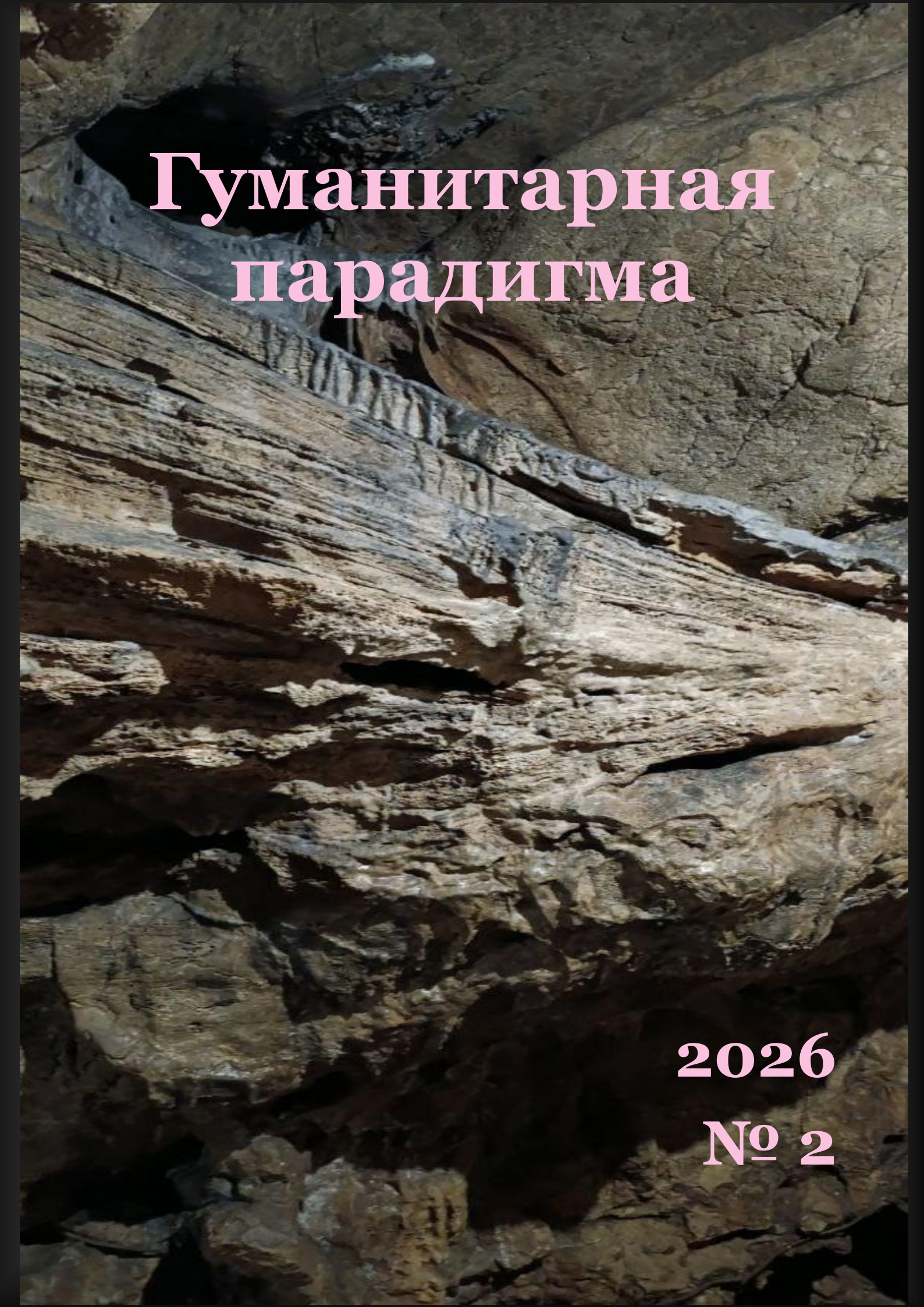

Гуманитарная парадигма

2026

№ 2

Электронный научный журнал — сетевое издание

Гуманитарная парадигма

№ 2 (37) 2026 года

Все публикуемые в журнале статьи рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, исследователей, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, просветительской, культурной, музейной работы.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»). Журнал издаётся с июня 2017 года.

Учредители: Л. Н. Икитян, ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт. Кореиз, Республика Крым.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://humparadigma.ru>

E-mail редакции: red@humparadigma.ru

При оформлении обложки использовано изображение из личного архива В. Н. Шведовой. Публикуется с разрешения автора.

Редакционный совет

Икитян Людмила Нодариевна — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий

Члены редакционного совета:

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Борисова Людмила Михайловна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русского языка и литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Красильников Роман Леонидович — доктор филологических наук, доцент, преподаватель автономной некоммерческой организации «Общеобразовательная школа Центра педагогического мастерства» (Москва)

Портнова Татьяна Васильевна — доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, профессор кафедры ландшафтной архитектуры Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева (Москва)

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Зябрева Галина Александровна — заслуженный работник образования Республики Крым, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русского языка и литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Синько Галина Иосифовна — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

Хоменко Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русская филология и русский язык как иностранный», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Шалина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (Евпатория), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Содержание

Культурные смыслы: диалог образов и пространств

Боева Г. Н.

Рецепция творчества Василия Сурикова Максимилианом Волошиным 6

Котан О. Т., Портнова Т. В.

Театрализация садово-паркового пространства Царского Села в стиле шинуазри 15

Педагогический инструментарий: новые решения

Икитян Л. Н., Машкова Е. Е.

НА ЗАМЕТКУ СТУДЕНТУ-ФИЛОЛОГУ

Рабочие тетради О. В. Корчевской по дисциплинам «Античная литература» и «Зарубежная литература Средних веков и Возрождения» (Симферополь: Изд-во КФУ имени В. И. Вернадского, 2026) 24

Педагогика и психология

Хоменко Е. В., Мицкевич А. Г.

Разгадывая тайны спряжения: урок-исследование в 5-м классе 30

Шайхутдинова Р. Р.

Ценностные основания интенсивного родительства современных матерей 44

Авторам

52

Content

Cultural meanings: dialogue of images and spaces

- Boeva G. N.** 6
Maximilian Voloshin's interpretation of Vasily Surikov's creativity
- Kotan O.T., Portnova T. V.** 15
Theatricalization of the garden and park space of Tsarskoye Selo in the Style of Chinoiserie

Pedagogical tools: new solutions

- Ikityan L. N., Mashkova E. E.**
NOTE TO A STUDENT OF PHILOLOGY
O. V. Korchevskaya's workbooks on the disciplines "Ancient Literature" and "Foreign Literature of the Middle Ages and the Renaissance" 24
(Simferopol : KFU Publishing House, 2026)

Pedagogy and psychology

- Khomenko E. V., Mickiewicz A. G.**
Solving the secrets of Conjugation: a 5th grade Research lesson 30
- Shaykhutdinova R. R.**
The Value Foundations of Intensive Parenting by modern mothers 44
- 52

For Authors

**Культурные смыслы:
диалог образов и пространств**

УДК 75.03

Боева Галина Николаевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры рекламы и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: g_boeva@rambler.ru

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ВАСИЛИЯ СУРИКОВА
МАКСИМИЛИАНОМ ВОЛОШИНЫМ**

В контексте эстетических взглядов М. Волошина анализируются записи его разговоров с В. Суриковым, послужившие основой биографической книги о художнике. Прослеживая этапы творческого пути Сурикова и постигая психологию его творчества, Волошин воссоздает духовный образ художника, называемый им «ликом», в свете своих символистских и эзотерических представлений. В основе волошинского сотворения образа художника лежит мифотворчество, позволяющее постигнуть механизм бессознательного в развитии его личности.

Ключевые слова: В. И. Суриков, М. А. Волошин, биография художника, живопись, отечественная история, эстетика.

Galina N. Boeva

Doctor of Philological Sciences,
Professor Department of Advertisement and Public Relations,
Saint-Petersburg state university of industrial technologies and design;
Russian Federation, Saint-Petersburg

MAXIMILIAN VOLOSHIN'S INTERPRETATION OF VASILY SURIKOV'S CREATIVITY

Abstract. *In the context of the aesthetic views of M. Voloshin, recordings of his conversations with V. Surikov are analyzed, which served as the basis of a biographical book about the artist. Tracing the stages of Surikov's creative path and comprehending the psychology of his work, Voloshin, in the light of his symbolistic and esoteric ideas, recreates the spiritual image of the artist, called him "image". The Voloshin creation of the artist's image is based on myth-making, which emphasizes the unconscious mechanisms of the development of his personality.*

Key words: V. I. Surikov, M. A. Voloshin, biography of the artist, painting, domestic history, aesthetics.

Для цитирования:

Боева, Г. Н. Рецепция творчества Василия Сурикова Максимилианом Волошиным // Гуманитарная парадигма. 2026. № 2 (37). С. 6–14.

Материалы к биографии В. И. Сурикова (1848–1916) были написаны М. А. Волошиным (1877–1932) в 1913 году по заказу И. Э. Грабаря для издания монографии о художнике издателем И. Н. Кнебелем. Однако книги не получилось: на фоне Первой мировой войны, не закончив работу, Волошин надолго уехал за границу, типография Кнебеля была разгромлена черносотенцами, а в 1916 году умер Суриков. Однако в этом же году волошинские записи, извлечённые из дневника («История моей души»), были опубликованы в журнале «Аполлон», а затем легли в основу других жизнеописаний художника и повлияли на дальнейшее восприятие его творчества [6]. Вспомним образ — «лик» художника, воссозданный Волошиным в свете его собственных эстетических представлений.

Встречи Волошина с Суриковым начались в Москве (в одном из номеров «Князьего двора» — гостинице на Волхонке) 3 января и продолжались в течение всего этого месяца [3, с. 306]. Интервьюер вечерами записывал воспоминания художника, пытаясь сохранить особенности речи своего героя, но и «впуская» собственные комментарии. Несмотря на то что Волошин не довёл работу до конца, материалы для биографии Сурикова вполне можно рассматривать как внешне дискретный, но концептуально законченный текст:

критик систематизировал записи хронологически, а кроме того, сумел нарисовать целостный «лик» художника.

К началу работы над биографией Сурикова эстетические взгляды Волошина вполне оформились. Можно назвать несколько повлиявших на них факторов: общесимволистские установки с акцентацией символа как ведущего приёма и проповедью «синтеза искусств»; восходящие к учению Р. Штейнера антропософские представления [2]; французская традиция «слияния» критика с изучаемым материалом (как сам признаётся Волошин, художником он стал для того, чтобы лучше понимать процесс создания художественного произведения).

Если перечитать работы Волошина разных лет («Скелет в живописи», «Индивидуализм в искусстве» и др.), можно сформулировать определение «лика» в понимании критика — это внутреннее единство бытия художника и его творений с неизбежной при этом мифологизацией категории творчества [2]. По Волошину, художник воссоздаёт свой «лик» на протяжении всего пути, приоткрывая его в каждой работе. Причём в основе этого процесса лежат бессознательные механизмы «припоминания», которые позволяют реализовать извечную борьбу «канона» с творческой индивидуальностью: «канон» усваивается, но преодолевается художником, проявляющим в своих работах нечто ещё не имеющее образа. Символ выступает при этом аккумулятором, родником бессознательного, сохраняющим и восстанавливающим связь с позабытым. В духе символизма работает здесь и принцип сотворчества: «лик» художника явлен в глазах постигающего: ничего, кроме своего собственного «лика», читатель или созерцатель не может увидеть в зеркале искусства. В связи с этим важно отметить настойчивую потребность Волошина вглядываться в себя, запечатлевая свой собственный «лик» буквально, делая огромное количество графических автопортретов, кроков — они опубликованы в недавно вышедшем альбоме-каталоге [7].

Примечательно, что в концепции Волошина создание произведения соответствует мужскому началу и акту зачатия, а интерпретация произведения — женскому началу, своего рода «вынашиванию» [10, с. 235]. Замечу, что таким образом выявлял свой «лик» и сам Волошин, преодолевая академическую и народническую традиции критической мысли и пролагая свой путь в интерпретации искусства. Наконец, важна мысль критика о том, что словесность тяготеет к рациональному, а живопись позволяет

максимально раскрыться бессознательному. Причём предельно символический, нерациональный способ постижения мира — детство, время формирования «фонда бессознательного».

В свете этих представлений и раскрывает Волошин образ Сурикова, а вернее, *миф о нём* в собственном претворении. Поскольку к моменту работы над книгой художнику оставалось жить несколько лет и основные его картины были написаны, то абрис его «лика» можно счесть завершённым. Каков он?

Для Волошина в его литературно-критических портретах, выявляющих «лики», начальный этап мифологизации — воссоздание телесного, пластического образа творца: «Суриков был среднего роста, крепкий, сильный, широкоплечий, моложавый, несмотря на то, что ему было уже под семьдесят: он родился в 1848 году. Густые волосы с русою проседью, подстриженные в скобку, лежали плотную шапкой и не казались седыми. Жесткие и короткие, они слабо вились в бороде и усах.

В наружности простой, народной, но не крестьянской, чувствовалась закалка крепкая, крутая: скован он был по-северному, по-казацки.

Рука у него была маленькая, тонкая, не худая. С красивыми пальцами, суживающимися к концам, но не острыми» [5, с. 325].

Визуальный облик художника Волошин пополняет важными для него сведениями из хиромании — описанием «тайнописи» линий на ладони (мистико-эзотерический аспект волошинской эстетики привлекал внимание исследователей [9]). Кстати, именно с особенностями этих линий Волошин фиксирует главную особенность психологии творчества Сурикова: «У Вас громадная сила наблюдательности: даже то, что Вы видели мельком, у Вас остается четко в глазах. Разум у Вас ясный и резкий, но он не озаряет области более глубокие и предоставляет полный простор бессознательному. Идея, едва появившись, у Вас тотчас же облекается в зрительную форму, опережая свое сознание. Вы осознаете из форм...» [5, с. 325]. Как видим, Волошин буквально «вчитывает» свои идеи в «случай Сурикова».

Подтверждение своей правоты Волошин приводит тут же, пересказывая воспоминание Сурикова о «явлении» ему сюжета «Меншикова в Березове»:

«...жил под Москвой на даче, в избе крестьянской. Лето дождливое было. Изба тесная, потолок низкий. Дождь идет, и работать нельзя. Скушно. И стал я *вспоминать* [курсив мой – Г. Б.]: кто же это вот точно так же в избе сидел. И вдруг... Меншиков... сразу все пришло — всю композицию целиком увидел. <...>

...А то раз ворону на снегу увидал. Сидит ворона на снегу и крыло одно отставила, черным пятном на снегу сидит. Так вот этого пятна я много лет *забыть* [курсив мой – Г. Б.] не мог. Потом боярыню Морозову написал. Да и “Казнь стрельцов” точно так же пошла: раз свечу зажженную днем на белой рубахе увидел, с рефлексами» [5, с. 325].

Рыжего стрельца со своей картины художник увидел в могильщике на кладбище, Меншикова — в учителе, встреченном на улице, боярыню Морозову — в начетчице из старообрядок, юродивого — в нищем с московской толкучки...

Неизвестно, точно ли употреблял Суриков слова *вспоминать* и *забыть*, но, в соответствии с волошинской идеей о «припоминании» как механизме воссоздания бессознательного в искусстве, они здесь неслучайны и единственно возможны. Фиксируя на первый взгляд случайные импульсы замыслов, Волошин вскрывает психологию творца в духе своей теории.

«География, история и литература предопределили творчество Сурикова» [8, с. 102], — справедливо пишет о художнике современный исследователь. Однако, по Волошину, в этот ряд следовало бы добавить биографию самого художника, неразрывно связанную с историей его семьи на фоне грандиозных исторических катаклизмов. Вот почему так важно для биографа повествование о семье, детстве и юности художника — «сибирская история» Сурикова.

По мысли критика, Суриков, сын донских казаков, пришедших в Сибирь вместе с Ермаком, бессознательно впитал в себя весь этот уклад жизни, *забыл* его, а потом обратился к нему на своих исторических полотнах. Сибирь его детства в воспоминаниях художника — это не XX, а XVI и XVII века русской истории, а он сам — «действительный современник и Ермака, и Стеньки Разина, и боярыни Морозовой, и казней Петра» [5, с. 326]. Описывая буйные, уже давно ставшие экзотическими (взятие снежного «городка», ныряние под плотами, нападения разбойников и даже смертные казни), а во многом жестокие нравы свободлюбивых казаков, потомков покорителей Сибири, к которым относились и его родичи, Волошин отвечает на вопрос о характере и «лике» самого художника: «Эта неудержимая и буйная кровь, не потерявшая своего казацкого хмеля со времён Ермака, текла в жилах Василия Ивановича. Она была наследием отцовской стороны. Со стороны же матери было глубокое и ясное затишье успокоенного семейного уклада старой Руси» [5, с. 327].

Кстати, мать Сурикова рассказывала о виденных ею ссыльных декабристах: Бобрищеве-Пушкине и Давыдове, — однако этот исторический эпизод, тоже поворотный для русской истории, не вдохновил Сурикова, оставшись чуждым его художественному мышлению: он не был связан с жизнью народа, плотью от плоти которого ощущал себя художник.

Очень живописны в описании Волошина воспоминания Сурикова о двух виденных им смертных казнях, в которых он ещё мальчишкой увидел не ужас, а красоту: «Черный эшафот, красная рубаха — красота! <...> И ужаса никакого не было. Скорее восторг» [5, с. 332].

Здесь уместно вспомнить рефлексия Волошина о категории ужасного в связи с нашумевшим, произошедшим именно в 1913 году (год общения с Суриковым) случаем вандализма — нападении на картину И. Е. Репина «Иоанн Грозный и его сын 16 ноября 1581 г.». Волошин усмотрел в этом происшествии не просто случай музейного вандализма, а следствие пагубного влияния на зрителя художественной сущности картины — не реалистической, созидающей, а натуралистической, копирующей: «Зло, принесенное репинским „Иоанном“ за 30 лет, велико. Репин был предтечей и провозвестником всего того, что теперь так пышно разрослось в романы о сыщиках, в театры ужасов и литературу Леонида Андреева» [4, с. 32]. По Волошину, зритель / читатель лишается эстетического эффекта при созерцании такого художественного произведения, поскольку автор не преодолел ужаса, не стал героем своего произведения, оставаясь лишь безмолвным и жалким свидетелем. В сущности, Волошин пишет о неспособности Репина порождать творения истинно эстетические, вызывать изображением «ужасного» катарсический эффект, который возникает под кистью Сурикова. В подтверждение сказанного его герой, переживший бессонные ночи с кошмарами в период работы над «Стрельцами», говорит о своей картине: «...никакого этого ужаса в ней нет. Все была у меня мысль, чтобы зрителя не потревожить. <...> Все боялся, не пробужу ли в зрителе неприятного чувства» [5, с. 339]. Кстати, это одна из причин, почему художник не изобразил на картине повешенных стрельцов.

Полемика с Репиным сквозит и в переданных Волошиным словах самого Сурикова, который не принимает репинскую царевну Софью: «Стрельцы разве могли за такой рыхлой бабой пойти?» (речь о картине «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения её

в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 году», 1879).

Что касается достоверности исторических реалий, к ним Суриков был очень внимателен, тщательно изучая и зарисовывая детали костюма и повседневного быта, о чём тоже сообщает Волошин устами своего героя. Однако в этом внимании к исторически зримому не было слепого копиизма, и Волошин записывает слова художника: «В исторической картине ведь и не нужно, чтобы было совсем так, а <...> чтобы похоже было. <...> Если только сам дух времени соблюден — в деталях можно какие угодно ошибки делать» [5, с. 344].

Как видим, в контексте волошинских воззрений на искусство Суриков противостоит Репину как представитель нового извода передвижничества, избегающего натурализма и тяготеющего к неореализму, основы которого Волошин обосновывает в целом ряде своих работ (нагляднее всего в статье «Анри де Ренье»). В то же время критик подчёркивает в биографии художника важность всех ученических этапов, предуготовивших его главные полотна: этюды на пленэре с учителем рисования Гребневым в красноярском учебном училище, копирование гравюр, опыт писания икон, наконец, пятилетнюю упорную учёбу в Академии художеств с постижением основ классицизма и истории искусства. Замечательный штрих: обучаясь в Академии, Суриков так фанатично добивался совершенства композиции своих работ, что его прозвали «композитором». Всё это, по волошинской логике, и было тем самым усвоением «канона», который потом предстоит преодолеть художнику, восходя в своих лучших работах до символизма.

Важным этапом в биографии Сурикова, по его собственным признаниям, был переезд в Москву и работа над росписью храма Спасителя. Здесь произошла встреча художника с древней Русью, её соборами, всей московской, сохранной ещё стариной. Примечательно, что первая собственная «неакадемическая» работа Сурикова, которую можно счесть подступом к главным темам, была создана ещё в Петербурге: «Вид памятника Петру I на Сенатской площади в Санкт-Петербурге» (1870). Однако катализатором творчества оказалась всё же Москва, оживившая воспоминания сибирского детства.

Суриков жил в эпоху социальных потрясений, резонировал с ней своим творчеством и отражал динамику исторического процесса. Исторические сюжеты его картин — это живая, дышащая история, многое объясняющая в

современности. Сам выбор Суриковым тем для полотен обусловлен бессознательно усвоенным прошлым, «забытым» и прорастающим в творчестве. Сюжеты всех его картин связаны с узловыми, магистральными событиями русской истории: расколом, бунтами, противостоянием власти и народа. Сибирские впечатления детства и юности органично вплетались в историю страны. Историческая мысль Сурикова, как показано современным исследователем, во многом определялась современной ему историографической мыслью (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, А. П. Щапов, И. Е. Забелин) [8, с. 344]. Однако, руководствуясь идеями историков в целом, художник в их разработке был оригинален и транслировал смыслы, внушённые ему личным опытом. Это касалось и актуальных политических пристрастий Сурикова: в записях Волошина о художнике находим упоминание о том, что художник восхищается Александром III как воплощением народного духа...

Волошину удалось раскрыть «тайну» творчества Сурикова, который «угадывал русскую историю не сквозь исторические книги и сухие летописи, не сквозь мертвую археологическую бутафорию, а через живые лики живых людей, через внутреннее чувство вещей, предметов и форм жизни» [5, с. 344]. В своей интерпретации творчества художника Волошин во многом оказался близок А. Н. Бенуа, тоже отмечавшему метафизическое, символически-визионерское начало суриковской живописи, роднящее её с романами Достоевского [1]. Такую же, как у Сурикова, мистическую наполненность исторических событий Волошин видит и у Н. Рериха, К. Богаевского, Л. Бакста («Архаизм в живописи»), что доказывает системность и концептуальность искусствоведческих интерпретаций поэта.

Литература

1. Бенуа, А. Н. История русской живописи в XIX веке / Сост., вступ. ст. и коммент. В. М. Володарского. М. : Республика, 1999. 448 с.
2. Бреева, Т. Н. Пути мифологизации образа художника в литературной критике М. Волошина. Казань : Изд-во Казанского государственного университета (КГУ), 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/7368033/page:14/> (Дата обращения: 27.01.2023).

3. Волошин М. История моей души. 1913 год // Волошин М. А. Автобиографическая проза. Дневники / Сост. З. Д. Давыдов, В. П. Купченко. М. : Книга, 1991. С. 187–359.
4. Волошин, М. А. Лекция «О художественной ценности пострадавшей картины Репина», которая была прочитана как публичная лекция на диспуте в Политехническом музее 12 февраля 1913 года // Волошин, М. А. О Репине. М. : Оле-Лукойе, 1913. С. 13–33. (Цит. по репринтному изданию – Харьков: Золотые страницы, 2010).
5. Волошин, М. А. Суриков (Материалы для биографии) // Волошин, М. А. Лики творчества / Изд. подгот. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров; Отв. ред. Б. Ф. Егоров, В. А. Мануйлов; Ред. изд-ва Е. А. Смирнова. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1988. С. 324–346.
6. Гор, Г. С., Петров, В. Н. Василий Иванович Суриков. 1848–1916. М. : Молодая гвардия, 1955. 229 с. – (Жизнь замечательных людей).
7. Графика Максимилиана Волошина : альбом-каталог / Сост. Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой; вступ. ст. и Г. В. Петровой; примечания Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой, С. А. Алимова, Мари-Од Альбер. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2025. 368 с.
8. Маджаров, А. С. «Русская история» В. И. Сурикова и отечественная историография второй половины XIX в. (к 165-летию со дня рождения художника) // Известия Иркутского государственного университета: Серия: История. 2013. № 2 (5). С. 87–105.
9. Пархоменко, Г. Ф. Лики творчества Максимилиана Волошина в связи с тайной его высшего «я» [Электронный ресурс]. М.: Б. и., 2010. URL:<http://bdn-steiner.ru/modules/Books/files/Parhomenko-lik-tvorchestva-M-Voloshina-v-svyazi-s-taynoy-ego-vysshego-Ya.pdf> (Дата обращения: 27.01.2023).
10. Стрелкова, А. Ю. Концепция творчества в художественном сознании Максимилиана Волошина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Стрелкова Анастасия Юрьевна. М., 2017. 261 с.

~

УДК 72.036

Котан Ольга Тарасовна

Студент магистратуры,
кафедра ландшафтной архитектуры,
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К. А. Тимирязева;
Российская Федерация, Москва, e-mail: olga99kotan@gmail.com

Портнова Татьяна Васильевна

Доктор искусствоведения, доцент,
профессор кафедры ландшафтной архитектуры,
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К. А. Тимирязева;
Российская Федерация, Москва, e-mail: t.portnova@rgau-msha.ru

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ САДОВО-ПАРКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ЦАРСКОГО СЕЛА В СТИЛЕ ШИНУАЗРИ

В статье представлен анализ влияния китайской культуры на процессы театрализации садово-парковой среды Царского Села XVIII века. Рассмотрены архитектурные заимствования, сценографические практики, материал культуры как реквизит и семиотические функции китайских элементов в формировании парковой драматургии.

Ключевые слова: сады и парки, экзотизация, шинуазри, театрализация пространства, культурное наследие.

Olga T. Kotan

Master's student, Department of Landscape Architecture,
Russian State Agrarian University –
K. A. Timiryazev Federal State Agricultural University;
Russian Federation, Moscow

Tatiana V. Portnova

Doctor of Art History, Professor of the Department of Landscape Architecture,
Russian State Agrarian University –
K. A. Timiryazev Federal State Agricultural University;
Moscow, Russian Federation

THEATRICALIZATION OF THE GARDEN AND PARK SPACE OF TSARSKOYE SELO IN THE STYLE OF CHINOISERY

Abstract. *The article presents a comprehensive analysis of the influence of Chinese culture on the processes of theatricalization of the garden and park environment of Tsarskoye Selo in the 18th century. Architectural borrowings, scenographic practices, cultural material as props and semiotic functions of Chinese elements in the formation of park drama are considered.*

Key words: *gardens and parks, exoticization, chinoiserie, theatricalization of space, cultural heritage.*

Для цитирования:

Котан, О. Т., Портнова, Т. В. Театрализация садово-паркового пространства Царского Села в стиле шинуазри // Гуманитарная парадигма. 2026. № 2 (37). С. 15–23.

Контекст русского национального искусства помогает лучше понять его культурные сближения с мировыми практиками. В XVIII веке Россия активно взаимодействовала с культурой как Запада, так и Востока, что нашло отражение в частности в садово-парковых комплексах царского двора. Одним из таких объектов этого периода является дворцово-парковый ансамбль Царское Село. общей целью данной статьи являются концептуальные и стилистические особенности китайской культуры в оформлении этого объекта. А наибольший интерес представляют используемые в парковых ансамблях Царского Села китайские мотивы; техники адаптации китайских решений к российским условиям и концепция театрализации прогулки по парку. Практическая значимость данного исследования заключается в прикладных знаниях об элементах китайской эстетики в композиции Царского Села XVIII века. Эти знания можно напрямую использовать в реставрации, музейной интерпретации, образовательных программах и культурной политике.

О семантике садово-парковых стилей в ходе смены исторических эпох размышляет Д. С. Лихачёв [6]. В исследованиях А. П. Вергунова и В. А. Горохова прослеживаются концепции восприятия садовых пространств, где особое значение уделяется феномену театрализации, проявляющемуся в

сценографической организации садов и в практиках проведения театрализованных праздничных мероприятий [1]. Д. О. Швидковский анализирует архитектуру эпохи Екатерины Великой, уделяя внимание китайской теме в Царском Селе [11]. К теме изучения стилевого направления шинуазри (то есть стилизации под искусство Китая) обращаются и А. И. Иконников [2], Е. И. Кириченко [3].

На протяжении всего XVIII столетия в России расцветает искусство барокко, отражающее рост и укрепление абсолютной монархии. Данный стиль стал проявлением культурного превосходства и эстетической претензии аристократии. Барочные сады, сочетающие роскошь и динамику, служили не только зонами отдыха, но и символами власти, демонстрируя вкус, эрудицию и умение управлять природой в соответствии с космическим порядком. Их истоки — Италия, откуда идея распространилась по Европе, оказав значительное влияние на формирование ландшафтных ансамблей во Франции, Германии и России при естественной адаптации к местным культурным и политическим особенностям [10].

Стилю барокко характерны приёмы театрализации пространства. Игра и подражание — неотъемлемые атрибуты русской культуры XVIII века. Они проявили себя во всех сферах общественного бытия [6]. В целом театр и маскарад в Российской империи были тесно связаны: они развивались как придворные развлечения, а затем стали частью общественной жизни. Первые театры появились в XVII веке, а введённые Петром I маскарады — изначально европейское увлечение — получили широкое распространение, став частью дворцовых и общественных торжеств. Ну а время правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) стало самой «маскарадной» из эпох XVIII века [7]. Увлечение театральным искусством нашло отражение и в искусстве садово-паркового пространства. Зелёные «театры» создавали декоративный фон, служили местом главным образом для проведения маскарадов, театральных действ и увеселений, а чтобы усилить впечатление на посетителей таких театров, в них часто устраивали сложные архитектурные декорации на грани реального и вымышленного миров.

Образы, создаваемые художниками и архитекторами, часто опирались на константные театральные принципы: использование символики, организацию сценического пространства и создание образных эффектов. Посредством стратегического применения данных элементов в сценографической структуре планировки, а также создания драматургии за

счёт визуальных (света и цветовой палитры), звуковых и смысловых (нарративного потенциала пластических форм) эффектов достигалась подлинная театрализация пространства [8]. Проявлениями театрализации среды служили и тематические павильоны, архитектурные сооружения, театрализованные формы развлечений. Это позволяло не только передавать эмоциональное настроение, но и формировать особую универсальную систему смыслов, где искусство и ландшафт становились средствами повествования.

Одним из феноменов в России XVIII века составляла мода китайскую культуру. Несмотря на уже существующее политическое взаимодействие двух стран, в России XVIII века Китай всё еще воспринимался как страна экзотическая, но при этом могущественная и культурно развитая, хотя и под влиянием противоречивых идей. Благодаря договору, заключенному в Кяхте (1727 г.), каналом российско-китайского социокультурного взаимодействия становится торговля, способствовавшая взаимному распространению в странах-соседях элементов их материальной и духовной культуры [9]. Подогреваемый увлечённостью европейских монархов загадочного Востока, Пётр I решил привезти архитекторов из Китая для создания парковых павильонов. В 1720 году он поручил исполнение данного замысла послу Л. Измайлову, но тот вернулся из Китая лишь с рисунками, тканями и вазами с изображением различных построек. В дальнейшем для обучения китайскому искусству с дипломатическими и торговыми миссиями отправляли ремесленников. Благодаря импортируемым товарам, таким как шёлк, чай, фарфоровые и лаковые изделия, интерес к Китаю возрос среди русской аристократии. Помимо предметов быта в моду входят элементы китайского интерьера (см. ниже оригинальную китайскую ширму, украшавшую интерьер дворца Монплеизир в Петергофе) [11].

В условиях крайне скудной, фрагментарной и субъективной информации о Китае русские мастера не претендовали на точное воспроизведение оригинальных образцов, а реконструировали представления о «китайском» преимущественно на основе собственных представлений и практик. Эти произведения не стоит оценивать как просто имитации, а рассматривать как цельные, выдержанные реконструкции в духе «своего» Китая. Именно такой иллюзорный образ оказался востребован при дворе, где стиль рококо стимулировал элиту к погружению в театральную игру с мифическими сюжетами, причудливыми орнаментами и изящными предметами [3].

Китайская ширма XVIII века из интерьера дворца Монплеизур в Петергофе
Источник: <https://peterhofmuseum.ru/events/156>

Китайские мотивы подверглись значительной трансформации и в садово-парковом искусстве Царского Села при адаптации их к местным традициям. Стоит отметить, что царскосельский ансамбль экзотических сооружений – самый большой в Европе. Архитектурные элементы, такие как Китайская деревня и Китайский театр, создавались не как точные копии, а как стилизованные интерпретации [11]. Данный процесс отражал общую тенденцию театрализации паркового пространства того времени. Можно сказать, что в Царском Селе экзотические объекты выполняли роль декораций, а символическое наполнение китайских элементов отсылало к идее китайской философии о гармоничном мироустройстве. При этом китайские павильоны в Царском Селе были ключевыми сценическими объектами, которые и формировали театральность садово-паркового пространства. Их расположение создавало композиционные акценты, создавая точки обзора [3].

Главный сценический маршрут для прибывающих начинался с Подкапризовой дороги и проходил через пространство последовательно выстроенных псевдокитайских построек. Этот экзотический мир принципиально отличался от среды, характерной для европейских садов. Так, например, важными элементами визуальных переходов между разными зонами парка служили малые китайский мосты. Они играли роль связующих звеньев между отдельными сценами садово-паркового театра. Эти объекты

создавали динамику движения посетителей, направляя их взгляд и меняя перспективу восприятия пространства. Знаменитый архитектор Чарльз Камерон в эпоху правления Екатерины II дополнил китайский ансамбль различными китайскими мостами, которые создали замкнутый прогулочный маршрут. Посетитель мог начать маршрут от дворца, обойти весь ансамбль и вернуться обратно, при этом постоянно находясь в окружении сооружений в восточном стиле [11].

*Малый китайский мост
в Александровском саду Царского Села.
Фото автора, 2025 г.*

*Малый китайский мост и Крестовый мост
в Александровском саду Царского Села,
1870-е гг.*

Источник:

<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46670945>

Интеграция китайских мотивов осуществлялась через адаптацию архитектурных форм к европейской парковой традиции. Так можно увидеть, что павильоны и мосты сочетали в себе восточные силуэты с классическими пропорциями. Архитектурная композиция китайских павильонов представляла собой синтез осевой симметрии европейских построек и асимметричных китайских прототипов, своей угловатостью и геометричностью, подчёркивающих смену линий. Стиль шинуазри вносил лёгкость в пространство, хотя был далёк от истинно китайского стиля.

Цветовая палитра фасадов и интерьеров павильонов основывалась на символическом значении цветов в китайской традиции. Использование красного цвета ассоциировалось с удачей и процветанием; золотой символизировал императорское достоинство; зелёные и синие оттенки олицетворяли природные элементы. Такое колористическое решение создавало атмосферу, соответствующую восточноазиатским эстетическим канонам [4].

Скульптурные композиции, изображавшие драконов и мифологических существ, выполняли нарративную функцию в качестве визуальных интерпретаций экзотических сюжетов, известных европейской публике по описаниям путешественников. Эти элементы не только украшали пространство, но и рассказывали истории о далёкой культуре. Присутствие мифических персонажей усиливало эффект театральности. Изображения фауны, включая фантастических животных, были характерной чертой китайского стиля. Зооморфные образы занимают важное место в китайской культуре, символизируя тесную связь человека и природы через мифы, знаки, язык и художественные традиции. В то же время, китайская традиция выделяет комплекс таких существ, объединяя их в две основные категории: «пять священных» (*у лин*) и «четыре духа» (*сы шэнь*). Скульптуры драконов символизировали императорскую власть и мудрость, становясь смысловыми доминантами [4]. Декоративно-прикладное искусство и скульптура органично вписывались в ландшафт, образуя единую сценографическую композицию.

Для дворцовых комплексов XVIII века были характерны домашние театры. Царская резиденция не стала исключением. В одном из квадратов Нового парка Царского Села располагался Китайский театр. Причём первоначальные проектные решения предполагали размещение на этой площадке «воздушного театра» — открытой сценической структуры с дерновыми скамьями для зрителей [2]. Такие решения были не редкостью, в усадьбе Кусково тоже существовал подобный театр под открытым небом [5].

Проект царскосельского театра разрабатывался архитектором А. Ринальди, а его строительство в 1778–1779 годах велось под руководством И. В. Неелова. Сооружение имело преимущественно европейскую типологию: сдержанные белёные фасады, расчленённые пилястрами, широким карнизом и узкими обрамлениями проёмов; а экзотическую интонацию придавали зданию высокая кровля с загнутыми «по-китайски» углами и стрельчатые окна и двери. При этом создатели упустили из виду другую особенность китайского строительства — сведение к минимуму художественной выразительности стен, держащих огромные крыши [12], остались европейскими и стены в отечественных «китайских» постройках.

Внутреннее убранство Китайского театра отличалось пышностью. В создании «китайских сцен» в интерьерах орнаментальные росписи и лаковые панно играли роль смысловых акцентов (рис. 3). Они формировали узнаваемые образы китайской культуры, способствуя погружению посетителей в экзотическую атмосферу. Там находились подлинные произведения китайского искусства [2].

Китайский театр. Часть Царской ложи.

Фотография. 1930-е г.

Источник: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33975962>

Выявленные аспекты китайской культуры в пространства Царского Села как объекта садово-паркового искусства XVIII века в России иллюстрируют механизмы конструирования идентичности через театрализацию пространства. Включение павильонов, мостов и декора в «китайском стиле» создавало эффект глобального присутствия России на мировой арене. Экзотизация паркового пространства Царского Села посредством элементов китайской архитектуры и интерьерного убранства служила демонстрацией геополитического влияния и престижа Российской империи, её участия в международных культурных процессах.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Китайская культура оказала заметное влияние на театрализацию Царского Села XVIII века, выступив источником формальных и декоративных решений, а также предметной символики. Однако заимствование осуществлялось через европейскую сценографическую призму, что породило гибридные архитектурно-декоративные решения.

2. Театрализация парковых объектов с китайскими элементами, включая архитектурные сооружения и декоративно-прикладное искусство, выступала ключевым механизмом динамического восприятия пространства.

3. Адаптация китайских мотивов в силу социально-экономических и политических аспектов претерпела ряд изменений и сформировала отдельное стилевое направление в европейском искусстве.

Литература

1. Вергунов, А. П., Горохов, В. А. Русские сады и парки. М. : Наука, 1988. 415 с.
2. Иконников, А. И. Китайский театр и «китайщина» в Детском Селе. М., Л. : Огиз – Гос. изд-во изобразительных искусств, 1931. 40 с.
3. Кириченко, Е. И. Неклассические тенденции в русской архитектуре эпохи классицизма // М. Ф. Казаков и архитектура классицизма / НИИ теории архитектуры и градостроительства. М., 1996. С. 142–162.
4. Котан, О. Т. Семиотика китайского сада: история, символы и смыслы в сохранении традиций // Современные проблемы и перспективы садоводства и ландшафтной архитектуры : сборник трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 160-летию со дня образования Тимирязевской сельскохозяйственной академии и 105-летию Института садоводства и ландшафтной архитектуры (Москва, 16 декабря 2025 г.). М. : Российский гос. аграрный университет, 2025. С. 261–265.
5. Курбатов, В. Я. Всеобщая история ландшафтного искусства. Сады и парки мира. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
6. Лихачёв, Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л. : Наука, 1982. 343 с.
7. Манкевич, И. А. Праздники в стиле барокко: «Веселящийся» Петербург эпоху императрицы Елизаветы Петровны [Электронный ресурс] // Вестник СПбГИК. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdniki-v-stile-barokko-veselyaschiysya-peterburg-epohu-imperatritsy-elizavety-petrovny> (дата обращения: 19.10.2025).
8. Портнова, Т. В. Театрализация как приём психологического воздействия в садово-парковом искусстве XVIII–XIX веков // Университетский научный журнал. 2024. № 82. С. 35–44.
9. Самойлов, Н. А. Россия и Китай в XVIII – начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2010. № 2. С. 3–15.
10. Шарипова, А. Р. Сад барокко как отражение философии нового времени // Культурная жизнь Юга России. 2025. № 4. С. 27–36.
11. Швидковский, Д. О. Город русского Просвещения. М. : Знание, 1991. 56 с.
12. 马锦义, 武涛. 中国传统造园植物造景艺术特征与手法 // 南京农业大学学报: 社会科学版. 2003. Т. 3. № 2. С. 99–104.

**Педагогический инструментарий:
новые решения**

УДК 005

Людмила Нодариевна Икитян

Кандидат филологических наук,
Главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»;
Российская Федерация, Армянск

Екатерина Евгеньевна Машкова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и украинской филологии,
Государственное образовательное учреждение высшего образования
«Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова»;
Российская Федерация, Симферополь

НА ЗАМЕТКУ СТУДЕНТУ-ФИЛОЛОГУ

Рабочие тетради О. В. Корчевской

**по дисциплинам «Античная литература» и «Зарубежная литература
Средних веков и Возрождения» (Симферополь : Изд-во КФУ имени
В. И. Вернадского, 2026)**

Представлена презентационная характеристика авторского учебно-методического издания — Рабочих тетрадей О. В. Корчевской. В их оценке последовательно раскрыты ключевые его аспекты: от базовых сведений (автор, название, назначение) до концептуальных и структурных особенностей. Детально охарактеризованы приёмы подачи и типы заданий, организующие самостоятельную деятельность обучающихся. Подчёркнута согласованность разработки О. В. Корчевской с учебными планами, их научная и методическая ценность. Резюмирована

целесообразность использования презентуемых материалов целевой аудиторией (преподавателями, методистами, обучающимися высшей школы).

Lyudmila N. Ikityan

PhD in Philology science,
Editor-in-Chief of the journal "Humanitarian Paradigm";
Russian Federation, Armyansk

Ekaterina E. Mashkova

PhD in Philology science, Associate Professor of the
Department of Russian and Ukrainian Philology,
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;
Russian Federation, Simferopol

NOTE TO A STUDENT OF PHILOLOGY

**O. V. Korchevskaya's workbooks on the disciplines "Ancient Literature" and
"Foreign Literature of the Middle Ages and the Renaissance"
(Simferopol : KFU Publishing House, 2026)**

Abstract. *A presentation overview of O. V. Korchevskaya's author's educational and methodological publication — workbooks is provided. The presented consistently covers its key aspects — from basic information (author, title, purpose) to the conceptual and structural features of the material. The methods of presenting the material and the types of tasks that organise students' independent activity are described in detail. The consistency of O. V. Korchevskaya's development with the curricula, as well as its scientific and methodological value, is emphasised. The expediency of using these materials by the target audience (teachers, methodologists, and higher education students) is summarised.*

Для цитирования:

Икитян, Л. Н., Машкова, Е. Е. На заметку студенту-филологу. Рабочие тетради О. В. Корчевской по дисциплинам «Античная литература» и «Зарубежная литература Средних веков и Возрождения» (Симферополь : Изд-во КФУ имени В. И. Вернадского, 2026) // Гуманитарная парадигма. 2026. № 2 (37). С. 24–29.

Вышли в свет подготовленные кандидатом филологических наук Ольгой Валерьевной Корчевской¹ *Рабочие тетради* по базовым дисциплинам филологического профиля — «Античная литература» и «Зарубежная литература Средних веков и Возрождения»².

Формат *Рабочей тетради* один из наиболее востребованных в работе с обучающимися высшей школы. Это своего рода опосредующее звено между классическим учебником и реальным педагогическим процессом, позволяющее организовать самостоятельную работу студентов с учётом авторского подхода педагога к преподаваемой дисциплине. Формату практикоориентированности, с одной стороны, и оригинальности, с другой, в полной мере соответствуют разработанные О. В. Корчевской материалы.

Концепция данных авторских Рабочих тетрадей базируется на понимании курса как активного проблемного исследования. Этому качеству подчинена и их структура, и содержание. Рабочий материал выстроен как

¹ Доцент кафедры русской и зарубежной литературы Филологического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь).

² Для обучающихся направления подготовки 45.03.01 Филология направленности «Русский язык и литература»

навигатор самостоятельной работы обучающихся: вопросы для контроля ориентированы на анализируемый факт (произведение, литературно-культурное явление, биографию, жанр и т. п.) весьма конкретно и предметно, расположены в едином для всех тематических блоков порядке — от заданий репродуктивного плана, актуализирующего лекционный материал, к заданиям аналитическим. Удельный вес заданий в Рабочих тетрадях соразмерен уровню их сложности (что в полной мере демонстрирует, например, раздел о германо-скандинавском эпосе); соблюден баланс между обзорными темами и темами, посвящёнными отдельным персоналиям. Каждая из структурных частей тетрадей: вступительная (введение) и основная (комплекс заданий по тематическим блокам), глоссарий, список использованной литературы — раскрывает специфику самостоятельной работы студента и координирует её.

О соответствии не только дидактическим, но и методическим требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, свидетельствует тот факт, что рабочий материал тетрадей соотнесён с учебными планами указанных дисциплин. Объёмом последних продиктован круг наиболее значимых произведений и ключевых аспектов, предлагаемых для работы студентов без их перегрузки второстепенными сведениями. Тому же служат способы подачи материала: обращает внимание принцип визуализации ключевых тезисов — иллюстрирование материала, его структурирование в виде таблиц, схем и оппозиций на сопоставление художественных явлений и тематически близких произведений искусства.

Подход О. В. Корчевской к систематизации материала отличает научность, культурная парадигмальность и взвешенный текстоцентризм.

Научность как основа университетского историко-литературного курса и отправная точка используемого автором методического инструментария заключается в обращении к классическим концепциям учёных — М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, Вяч. Иванова, М. Пэрри, А. Лорда, Ф. Ницше, Ж. Дюби, О. М. Фрейденберг, Л. Е. Пинского, Н. П. Гринцера, а также сложным теоретическим концепциям (например, магистральный сюжет, трагический гуманизм, макиавеллизм) и дискуссионным вопросам (гомеровский и шекспировский вопрос, природа безумия Гамлета и др.). Также студенческая работа с изучаемым материалом задаётся автором в формате многослойного (через мифологический, историко-культурный и философский подходы) и разноуровневого литературоведческого анализа, что

позволяет обучающимся сформулировать общие закономерности возникновения и развития литературных форм и явлений, характерных для эпохи ведущих эстетических и художественных категорий.

Ориентир на культуру выражается в обращении к парадигмальным установкам эпохи. Рабочие тетради О. В. Корчевской построены таким образом, что изучение мифологических и классических произведений изучаемых эпох происходит не изолированно, а в историко-культурном контексте их бытования и написания. В целом история зарубежной литературы Античности, Средних веков и Возрождения представлена в этих разработках как органичная составляющая общекультурного развития Западной Европы. При этом автором актуализировано интертекстуальное пространство современной культуры, насыщенной кодами литературы затрагиваемых эпох: синхронический срез последовательно усиливается диахроническими отсылками, давая возможность проследить, как отдельные коллизии и персонажи становятся «вечными» темами и образами мировой художественной словесности. Также в массиве заданий комплексно реализуются межтекстовые связи (например, разные аспекты фольклора, национального эпоса и лирики, языческой и христианской традиции с традициями и эстетикой соответствующих исторических эпох) и межпредметные знания: ярко выражен языковой компонент, теоретическая составляющая в виде ключевых литературоведческих терминов и понятий (рифма, роман, новелла, литературная утопия).

Ключевая в работе с литературными источниками ориентированность на художественный текст достигается автором тетрадней несколькими установлениями. Текстцентризм своих разработок автор обеспечивает, во-первых, сменой открывающих каждую из тем репродуктивных заданий на аналитические, нацеленные на интерпретацию персониферы изучаемых произведений посредством её подкрепления цитатами. Во-вторых, сопровождением ряда заданий хрестоматийными включениями — выдержками из трудов мыслителей той или иной эпохи. В-третьих, членением объёмных, сложных для восприятия текстов на концептуально значимые части для лучшего их усвоения обучающимися. Неоспоримым достоинством в свете этого видится органично включенная в систему заданий словарная работа, в ходе которой уточняется первичное значение известных понятий, отслеживаются изменения семантики лексем греческого или латинского происхождения. Отличительным свойством применяемых

автором формулировок является стремление избежать формально-фабульного подхода к литературному тексту. Задания формулируются таким образом, чтобы на этапе их выполнения использование краткого содержания, беглого знакомства с сюжетом произведения или сгенерированного его пересказа было недостаточно для успешного выполнения работы. Следовательно, заявленная автором в вводных рекомендациях ориентированность на художественный текст и его вдумчивое (вопреки нередкому в студенческой аудитории нивелированию) чтение реализуется О. В. Корчевской последовательно и системно.

Совокупная оценка содержательного наполнения представленных Рабочих тетрадей, интегрирующих историю литературы, историю идей, историческую поэтику и культурную антропологию, и методических принципов подачи материала посредством авторских алгоритмов анализа, моделирующих «медленное чтение», не оставляет сомнений в значительном методическом потенциале разработок Ольги Валерьевны Корчевской, а значит, и в их востребованности в ходе изучения Истории зарубежной литературы и организации самостоятельной деятельности обучающихся высшей школы, направленной не только на овладение знаниями, но и на развитие мыслительных и познавательных навыков, творческого мышления, самодисциплины.

~

Педагогика и психология

УДК 372.881.161.1

Хоменко Елена Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Русская филология и русский язык как иностранный»,
Институт общественных наук и международных отношений,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: evkhomenko@mail.sevsu.ru

Мицкевич Арина Геннадьевна

Учитель русского языка и литературы,
ГБОУ «СОШ № 33 имени В. И. Герасимова»;
Студент,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: mickevich_arina@icloud.com

РАЗГАДЫВАЯ ТАЙНЫ СПРЯЖЕНИЯ: УРОК-ИССЛЕДОВАНИЕ В 5-м КЛАССЕ

Статья посвящена поиску эффективных путей изучения темы «Спряжение глагола» в 5-м классе. В качестве оптимального средства предлагается урок-исследование, построенный по этапам научного поиска. Представлен подробный конспект урока, в ходе которого учащиеся, опираясь на базовые знания, разгадывают лингвистические загадки, самостоятельно анализируют языковой материал и формулируют выводы. Даны методические комментарии, в которых раскрывается логика построения каждого этапа урока, а также обосновывается выбор методов, приёмов и форм организации учебной деятельности.

Ключевые слова: русский язык, урок-исследование, спряжение глагола, обучающиеся 5 класса.

Elena V. Khomenko

PhD in Pedagogical science, Associated Professor of Department
of Russian Philology and Russian as a Foreign Language,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

Arina G. Mickiewicz

Teacher of Russian language and literature; Student,
Humanitarian and Pedagogical Institute,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

SOLVING THE SECRETS OF CONJUGATION: A 5th GRADE RESEARCH LESSON

Abstract. *The article is devoted to finding effective ways to study the topic “Verb Conjugation” in the 5th grade. As an optimal tool, it proposes a research lesson based on the stages of scientific research. A detailed lesson plan is presented, during which students, based on their basic knowledge, solve linguistic riddles, independently analyze the language material, and formulate conclusions. The article provides methodological comments that reveal the logic of each lesson stage and justify the choice of methods, techniques, and forms of organizing educational activities.*

Key words: *Russian language, research lesson, verb conjugation, 5th grade students.*

Для цитирования:

Хоменко, Е. В., Мицкевич, А. Г. Разгадывая тайны спряжения: урок-исследование в 5-м классе // Гуманитарная парадигма. 2026. № 2 (37). С. 30–43.

Тема «Спряжение глагола» является не только одной из важнейших для овладения учащимися навыком грамотной письменной речи, но и одной из наиболее сложных для усвоения. Трудность обусловлена как обилием теоретического материала, так и множеством «подводных камней» и «ловушек». Как организовать изучение этой темы, чтобы обеспечить прочность и осмысленность знаний? Одним из возможных путей решения этой задачи, на наш взгляд, является организация урока-исследования. В основе такого урока лежат этапы, моделирующие научный поиск: 1) постановка проблемы; 2) формулировка гипотез; 3) поиск путей решения;

4) формулировка выводов [1, с. 224–225]. Предлагаемый конспект и методические пояснения к нему демонстрируют, как, опираясь на базовые знания, полученные в начальной школе, можно в ходе разгадывания лингвистических загадок научить пятиклассников видеть «ловушки» и сложности темы, превратив разрозненные сведения в стройную систему знаний о спряжении.

Тема урока: «Спряжение глагола» (или «Лингвистические загадки спряжения») [2, с. 127–131; 3, с. 140].

Цели урока:

- актуализировать знания учащихся о спряжении глаголов и об алгоритме «Как определить спряжение»;
- дать представление о трудных случаях определения спряжения глаголов;
- совершенствовать умение определять спряжение глаголов и обосновывать свой ответ.
- развивать умения анализировать, интерпретировать, сравнивать и группировать языковой материал и учебную информацию;
- воспитывать у обучающихся положительное отношение к учебной деятельности, формировать у них осознание того, что знания и умения — важнейший ресурс и источник личного успеха.

Дополнительный материал:

1) презентация; 2) рабочий лист «Спряжение».

Тип урока:

урок открытия новых знаний.

Форма проведения урока: урок-исследование.

Предварительная работа учителя:

запись на доске или проекция слов для формулировки темы; раздача рабочих листов (см. образец).

Рабочий лист «Спряжение» (образец)

I. Организационный момент.

Здравствуйте, ребята, садитесь.

II. Определение и формулирование темы урока.

1. Игра «Спрятанное слово».

Откройте тетради, запишите дату, классная работа, пропустите строку для темы урока. А определить её нам поможет игра «Спрятанное слово». Перед вами 9 слов. Ваша задача — 1) выбрать правильную букву из предложенных в скобках вариантов; 2) обосновать свой выбор; 3) записать слово в тетрадь; 4) из выбранных букв составить ключевое слово. Это и будет тема урока.

1. (С, з)делать.
2. А(п,пп)ельсин.
3. Па(р,рр)кет.
4. Пл(и,я)сать.
5. Доро(ж,ш)ка.
6. Н(и,е)бесный.
7. Тре(н,нн)ер.
8. Уд(и,е)вляться.
9. Зв(е,и)зда.

Образец устного ответа:

В первом слове выбираю букву «эс», это неизменяемая приставка, которая всегда пишется одинаково (в русском языке нет приставки «зэ»).

Во втором слове выбираю одну букву «пэ», это словарное слово, его надо запомнить.

В третьем слове выбираю одну букву «эр», это словарное слово, его надо запомнить.

В четвертом слове выбираю букву «я», это проверяемая безударная гласная в корне слова, проверочное слово — пляска.

В пятом слове выбираю букву «жэ», это проверяемая согласная в корне слова, проверочное слово — дороженька.

В шестом слове выбираю букву «е», это проверяемая безударная гласная в корне слова, проверочное слово — небо.

В седьмом слове выбираю одну букву «эн», это словарное слово, его надо запомнить.

В восьмом слове выбираю букву «и», это проверяемая безударная гласная в корне слова, проверочное слово — диво.

В девятом слове выбираю букву «е», это проверяемая безударная гласная в корне слова, проверочное слово — звёзды.

!¹ Обучающиеся называют буквы, учитель записывает их на доске, в итоге получается слово *спряжение*.

Итак, какая тема сегодняшнего урока? *Ответ: Спряжение.*²

Методический комментарий. На этапе определения и формулирования темы урока дидактическая игра позволяет, во-первых, снизить тревожность учащихся, характерную для начала урока, и переключить их внимание на учебное задание, представленное в увлекательной форме; во-вторых, интегрировать повторение ранее изученных орфографических правил с самостоятельным определением темы урока. Предложенный образец устного ответа выполняет роль речевой опоры и помогает учащимся построить аргументированное монологическое высказывание. Самостоятельное «открытие» темы создаёт у пятиклассников ощущение собственного интеллектуального достижения и формирует положительный эмоциональный настрой на дальнейшую работу.

II. Целеполагание и мотивация учебной деятельности.

1. Беседа с учащимися.

Тема для вас не совсем новая: вы уже знакомились с ней в начальной школе. Как вы думаете, что нам сегодня предстоит вспомнить?

Что такое спряжение, сколько спряжений в русском языке.

Верно. А ещё мы вспомним, какая часть речи спрягается, как определить спряжение, повторим глаголы-исключения, а также узнаем, какие «ловушки» могут встретиться при определении спряжения.

А чему будем учиться?

Определять спряжение глагола.

Да, сегодня мы будем совершенствовать умение определять спряжение глаголов и обосновывать свой ответ.

А для чего вам необходимы эти знания и умения?

Чтобы быть грамотными.

Ребята, эти знания и умения действительно **ОЧЕНЬ ВАЖНЫ**. Если вы научитесь быстро и, главное, **ВЕРНО** определять спряжение, вы будете без ошибок писать безударные личные окончания глаголов. А это, между прочим, одно из самых «коварных» правил в русском языке! А ещё вам скоро предстоит сдавать ОГЭ и ЕГЭ, где тоже есть задания, связанные с правописанием глаголов.

¹ Знаком «!» обозначены регулирующие действия учителя и уточнения по выполнению заданий обучающимися.

² Предполагаемые ответы учащихся в конспекте выделены курсивом без дополнительных обозначений.

Методический комментарий. На этапе целеполагания и мотивации реализуется деятельностный подход к организации учебного процесса. Учитель выстраивает диалог таким образом, чтобы учащиеся не получали задачи в готовом виде, а формулировали их самостоятельно. Особое внимание уделяется мотивационному компоненту. Предлагая пятиклассникам высказать предположения о том, где могут пригодиться полученные знания и умения, учитель создаёт условия для осмысления личностной значимости предстоящей работы и понимания практической ценности изучаемого материала. Использование эмоционально окрашенных слов и выражений («ловушки», «коварное правило») позволяет усилить познавательный интерес учащихся.

III. Актуализация опорных знаний и осуществление учебных действий по освоению (восприятию) нового материала.

1. Подводящий диалог (восстановление карты «Спряжение»).

Ребята, сегодня у нас с вами будет не совсем обычный урок — урок-исследование: мы отправляемся на поиски клада по карте «Спряжение».

Карта «Спряжение»

Карта старинная, и, к сожалению, не вся информация сохранилась. Видите пустые места со знаком вопроса? В них притаились коварные загадки-ловушки. Они так и ждут, чтобы сбить нас с пути. Но у нас будут верные помощники — волшебные подсказки. Они будут появляться рядом с каждой ловушкой и помогут нам ответить на самые сложные вопросы. Наша задача —

разгадать каждую загадку-ловушку, заполнить пропуски и восстановить карту целиком. Если справимся – восстановленная карта покажет, где спрятан клад. Мы откроем волшебный сундук и узнаем, какое сокровище в нём спрятано.

Итак, приступаем к восстановлению карты. Нас ждут 6 загадочных фрагментов. Стартуем с фрагмента № 1.

1.1 Восстановление фрагмента № 1

Смотрите, он заполнен рисунками, буквами, словами и загадочными знаками (обращаем внимание обучающихся на рабочий лист, его фрагмент № 1).

Похоже, это настоящий шифр, в котором спрятано всё, что вы уже знаете о спряжении глагола из начальной школы. Ваша задача — разгадать этот шифр. А чтобы вам было легче, я дам вам пять вопросов-подсказок:

- 1) *какая часть речи спрягается;*
- 2) *что такое спряжение;*
- 3) *сколько спряжений в русском языке;*
- 4) *какие окончания у глаголов 1 спряжения;*
- 5) *какие окончания у глаголов 2 спряжения.*

Именно ответы на них и зашифрованы в этом фрагменте.

Найдите эти ответы — и первый шаг к кладу будет сделан!

! Обучающиеся устно отвечают на вопросы, дописывают название темы урока **Спряжение глаголов**, делают необходимые записи в рабочих листах.

1.2 Восстановление фрагмента № 2

Мы успешно восстановили первый фрагмент и вспомнили основную информацию о спряжении. Переходим ко второму. Нам предстоит восстановить алгоритм определения спряжения (обращаем внимание обучающихся на рабочий лист, его фрагмент № 2). Будьте внимательны: здесь очень много загадок-ловушек. Готовы? Первая загадка уже здесь. Разгадав её, мы узнаем первый шаг алгоритма. Послушайте, что нам рассказывает о себе глагол ГОРЕТЬ.

Я — пламенный глагол «гореть».
В начальной форме в конце **-еть**.
По правилу это — спряжение первое,
Но на деле же — решение неверное.
Второе спряжение — вот точный ответ!
Среди исключений, смотри, меня нет.
Так в чём тут, ребята, запрятан секрет?

Ребята, почему глагол на **-еть**, не являясь исключением, всё-таки относится ко 2 спряжению?

! Если обучающиеся не могут ответить на этот вопрос, учитель даёт следующую подсказку:

Вижу, загадку никак не решить?!
Смотрим на форму глагола — **«горѳт»**,
В ней окончание **УДАРНО** звучит!
Что этот факт нам с тобой говорит?

У глагола *гореть* окончание ударное. *Горѳшь, горѳт, горѳм, горѳте*. В этом случае спряжение определяется по окончанию, а не по инфинитиву.

Итак, какой *первый шаг* мы должны сделать, чтобы не попасть в ловушку?

Проверить, окончание глагола ударное или нет.

! Обучающиеся записывают в рабочий лист 1-й шаг алгоритма: определи, ударное окончание или нет.

1.3 Восстановление фрагмента № 3

Ребята, здесь нас может поджидать ещё одна «ловушка». А расставляет её хитрая приставка, которая любит путать следы. Что же это за приставка, почему она хитрая и что нужно сделать с этой приставкой при определении спряжения глагола? Знаете её? Тогда слушайте подсказку.

Приставка **ВЫ** ударная всегда,
Из-за нее случается беда.
И чтоб спряжение узнать,
ВЫ надо временно убрать!
Уберѳм — и всё поймѳм,
Спряжение верно назовѳм!

- О какой приставке идет речь? *Приставке ВЫ.*

- Почему она хитрая? *Потому что всегда ударная, перетягивает на себя ударение.*

- Что надо сделать с приставкой **ВЫ** при определении спряжения глагола? *Убрать эту приставку.*

Верно. Допишите в рабочем листе в 1-й шаг алгоритма эту информацию.

! Обучающиеся дописывают в рабочем листе в 1-й шаг алгоритма: если в глаголе есть приставка **ВЫ**, уберите её.

Потренируемся! Я называю глагол с приставкой **ВЫ**, а вы без приставки.

Вымокнуть. *Мокнуть*

Выдержать. *Держать.*

Вылить. *Лить.*

Итак, ребята, чтобы верно определить спряжение глагола, надо убрать приставку **ВЫ**.

1.4 Восстановление фрагмента № 4

Продолжаем наше приключение. На нашем пути ещё один фрагмент, который надо восстановить. Есть одна волшебная форма глагола: она не только показывает, ударное окончание или нет, но и часто (правда, не всегда!!!) подсказывает спряжение. Догадались, какая это форма глагола? Тогда слушайте подсказку.

Есть у глагола форма-отгадка,
Звонкая, чёткая, без недостатка.
Подставим **ОНИ** — и слышится в такт:
Ударный слог — это факт!
Хочешь узнать поскорей про спряжение?
Слушай окончание без промедления:
-УТ/-ЮТ — первое, ясно всем!
-АТ/-ЯТ — второе, без проблем!

Какая же форма глагола показывает, ударное окончание или нет, и часто подсказывает спряжение? *Форма 3 лица мн.ч.*

Верно. Допишите в рабочем листе в 1-й шаг алгоритма эту информацию.

! Обучающиеся дописывают в рабочем листе в 1-й шаг алгоритма: *форма 3 л. мн.ч. (они).*

Итак, 1-й шаг мы восстановили, со всеми сложными случаями разобрались, а значит, можем двигаться дальше. Посмотрите на карту. Дорога раздваивается.

-Если окончание ударное, спряжение определяется... посмотрите на алгоритм и закончите предложение. *...сразу — по окончанию.*

- А если окончание безударное, делаем 2-й шаг. Какой? Посмотрите на алгоритм. *Ставим глагол в инфинитив.*

- На какие вопросы отвечает инфинитив? *Что делать? Что сделать?*

! Обучающиеся дописывают в рабочий лист во 2-й шаг алгоритма: *Что делать? Что сделать?*

1.5 Восстановление фрагмента № 5

Здесь есть ещё одна ловушка! Есть инфинитивы, которые произносятся неясно, неотчётливо ЛАЯТЬ... или ЛАИТЬ, а может, ЛАЕТЬ. Как быть? Ответ ищите в подсказке.

Все неясные на -ЯТЬ:
Таять, сеять, веять, реять.
Только *клеить* — не зевай,
Он на -ИТЬ — запоминай!
Как легко запоминать?
Кроме *клеИТЬ*, все на -ЯТЬ!

Запишите эту информацию в рабочий лист.

! Обучающиеся записывают в рабочий лист в рубрику «Слова-ловушки»: *все неясные на -ЯТЬ, кроме клеИТЬ.*

1.6 Работа с алгоритмом

Если инфинитив оканчивается на -ИТЬ, то это глаголы какого спряжения?

2 спряжения.

Но здесь есть нарушители правила. Они выглядят как глаголы 2-го спряжения, но живут по правилам 1-го спряжения. Назовите их.

Брить и стелить.

Если инфинитив оканчивается НЕ на -ИТЬ, то это глаголы какого спряжения? *1 спряжения.*

И среди этих глаголов затаились шпионы — 11 хитрецов, которые тайно перешли в лагерь 2 спряжения. Назовите их.

*Гнать, держать, смотреть и видеть,
Дышать, слышать, ненавидеть,
И зависеть, и терпеть,
И обидеть, и вертеть.*

1.7 Восстановление фрагмента № 6

И последняя ловушка, хитрый вопрос. А если глагол-исключение с приставкой? Он остаётся исключением? Читайте подсказку.

У глаголов-исключений
Много братьев и сестёр.
Их спряжение, без сомнений,
Не меняет даже приставок рой!

- Влияет приставка на спряжение глагола-исключения?

Глагол-исключение остаётся им, даже если к нему присоединяется приставка.

! Обучающиеся записывают в рабочий лист в рубрику «Глаголы-исключения и их родственники» следующее:

глагол-исключение + приставка = глагол-исключение.

Методический комментарий. Этап актуализации опорных знаний и освоения нового материала представляет собой развёрнутое учебное исследование, построенное на основе игровой легенды («восстановление старинной карты» и «поиск клада») и состоящее из шести логически связанных фрагментов. Введение игрового сюжета выполняет несколько методических функций: во-первых, преобразует учебную деятельность в увлекательное приключение, что способствует поддержанию познавательного интереса на протяжении всего урока; во-вторых, задаёт внутреннюю логику урока — каждый восстановленный фрагмент карты приближает школьников к «кладу», создавая ощущение продвижения и успеха.

Работа по каждому фрагменту строится по единой схеме: 1) формулирование вопроса, на который предстоит дать ответ («загадка-ловушка»); 2) предъявление «волшебной подсказки»; 3) эвристическая беседа, в ходе которой учащиеся самостоятельно открывают новые знания и формулируют выводы; 4) фиксация выводов в рабочем листе. Предложенная схема работы реализует логику исследовательского поиска.

Введение «загадок-ловушек» пробуждает интерес школьников и создаёт условия для осознания ими недостаточности имеющихся знаний, а также необходимости их расширения. Использование мнемотехники в виде рифмованных подсказок привлекает внимание пятиклассников и облегчает запоминание сложного орфографического материала. Пошаговое заполнение рабочего листа позволяет учащимся осмыслить каждый шаг алгоритма и прочно закрепить его в памяти.

IV. Проверка первичного закрепления нового материала.

1. Выполнение тренировочного упражнения (коллективно).

Мы восстановили самый сложный фрагмент — алгоритм определения спряжения. Остался последний рубеж — финальный фрагмент карты. Чтобы его пройти, надо правильно распределить глаголы по колонкам: 1 спряжение и 2 спряжение (обучающиеся выполняют письменное упражнение в тетрадах). Работаем все вместе. Опирайтесь на алгоритм — он наш верный помощник.

Читать, спать, выходить, пить, шить, выглядеть, посмотреть, покупать.

1 спр.	2 спр.
Читать	Спать
Пить	Выглядеть
Шить	Посмотреть
Покупать	Выходить

2. Выполнение тренировочного упражнения (индивидуально).

Отлично! Сундук перед нами. Но просто так он не откроется — на нём висит замок с цифровым кодом. Чтобы его разблокировать, надо ввести правильный код из 4-х цифр. Сейчас всё зависит от каждого из вас. Перед вами 4 глагола. Ваша задача — правильно определить спряжение каждого и записать цифры в нужной последовательности. Будьте внимательны! Ошибка — и доступ будет заблокирован (обучающиеся работают индивидуально и самостоятельно).

Лить (1), услышать (2), служить (2), дышать (2).

1222

Проверяем... (звучит волшебный звук, сундук «открывается»).

3. Работа с пословицей.

Код принят! Ура! Мы открыли сундук, а в нём старинный свиток. Похоже, это послание от наших предков. Давайте прочитаем.

Не тот богат, кто много золота име...т, а тот, кто много зна...т и уме...т.

Как вы понимаете это послание? О каком богатстве идёт речь? *Настоящее богатство — не в деньгах, а в знаниях и умениях.*

Верно, вот оно, главное сокровище — знания и умения. Обратите внимание! В послании есть слова с пропущенными буквами. Что же нам поможет их восстановить? *Спряжение. Умение определять спряжение.*

Верно. Именно знание спряжения подскажет нам, какую букву писать в безударном окончании. Этим мы с вами и займемся на следующем уроке.

Методический комментарий. Этап первичного закрепления нового материала построен как логическое завершение игровой легенды («финальный фрагмент карты», «открытие сундука») и включает три вида деятельности. Коллективная форма работы позволяет учителю оперативно выявить типичные затруднения учащихся, а учащимся — услышать рассуждения одноклассников и запомнить последовательность действий по алгоритму. Индивидуальное задание даёт возможность проверить уровень усвоения материала каждым учащимся. Введение игрового приёма («замок с

цифровым кодом»), во-первых, сохраняет целостность игровой легенды; во-вторых, усиливает внимание, самоконтроль и ответственность; в-третьих, обеспечивает моментальную проверку. Работая с пословицей, учащиеся осознают ценность знаний. Наличие в её тексте глаголов с пропущенными безударными окончаниями создаёт эффект «мостика» и незавершённости, что мотивирует пятиклассников к дальнейшему изучению темы.

V. Рефлексия учебной деятельности.

А сейчас давайте вернёмся к задачам, которые мы ставили в начале урока. Всё ли нам удалось выполнить?

Сегодня на уроке я узнал...

Сегодня на уроке я научился...

Действительно, сегодня на уроке мы вспомнили, что такое спряжение, узнали, какие «ловушки» могут встретиться при определении спряжения. Вы овладели суперспособностью быстро и без ошибок определять спряжение любого глагола.

Методический комментарий. На этапе рефлексии используется приём незаконченных предложений, который позволяет каждому ученику осмыслить свой личный прирост знаний и умений. Возвращение к задачам, сформулированным в начале урока, обеспечивает целостность занятия и помогает учащимся осознать степень достижения поставленных целей. Метафора «суперспособность» поддерживает игровую легенду, усиливает эмоционально-положительное восприятие учебного достижения и подчёркивает его практическую значимость.

VI. Задание на дом и инструктаж.

1. Выучить алгоритм «Как определить спряжение».
2. Опираясь на алгоритм, определить спряжение глаголов в пословице и вставить пропущенные буквы.

VII. Выставление оценок и словесное оценивание.

Всем большое спасибо за работу. Урок окончен.

Таким образом, формат урока-исследования позволяет превратить изучение сложной темы в увлекательное разгадывание лингвистических загадок. Пятиклассники самостоятельно проходят путь от постановки проблемных вопросов и наблюдения над языковым материалом до формулирования выводов. Такой подход обеспечивает высокую познавательную активность учащихся и осознанное усвоение ими учебного материала.

Литература

1. Землянская, Е. Н. Теоретические основы организации обучения в начальных классах: учебник и практикум для среднего профессионального образования [Электронный ресурс]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 251 с. URL: <https://urait.ru/bcode/588267>
2. Русский язык : 5 класс : учебник : в 2 ч. Ч. 2 / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. 5-е изд., перераб. М. : Просвещение, 2023. 271 с.
3. Федеральная рабочая программа основного общего образования. Русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций) [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/09/01_frp_russkij-yazyk_5-9-klassy_itog-na-sajt_1-2.pdf

~

УДК 316.6

Шайхутдинова Рената Ринатовна

Студент магистратуры,
Институт образования и психологии,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;
Российская Федерация, Казань, e-mail: shay1808@bk.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕНСИВНОГО РОДИТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННЫХ МАТЕРЕЙ

Автор статьи исследует ценностные ориентации современных матерей в рамках распространенной сегодня модели «интенсивного материнства». Ценностные детерминанты видятся автору статьи основаниями, способными придать определённую устойчивость поведению родителей в системе ресурсоёмкого детоцентрированного стиля семейных отношений. Определено, что для модели «интенсивного родительства» ценностными выступают универсализм, самостоятельность, гедонизм, достижение и власть.

Ключевые слова: материнство, воспитательная стратегия, модель «интенсивное родительство», семейные ценности.

Renata R. Shaykhutdinova

Master's student,
Institute of Education and Psychology,
Kazan (Volga Region) Federal University;
Russian Federation, Kazan

VALUE FOUNDATIONS OF INTENSIVE PARENTING BY MODERN MOTHERS

Abstract. *The author of the article explores the value orientations of modern mothers within the framework of the current model of “intensive motherhood”. The author sees value determinants as the basis that can give a certain stability to parents’ behavior in the system of resource-intensive child-centered family relations. It has been determined that universalism, independence, hedonism, achievement, and power are the values that are important for the “intensive parenting” model.*

Key words: motherhood, parenting strategy, "intensive parenting" model, family values.

Для цитирования:

Шайхутдинова, Р. Р. Ценностные основания интенсивного родительства современных матерей // Гуманитарная парадигма. 2026. № 2 (37). С. 44–51.

Материнство представляет собой психологический комплекс самосознания женщины¹, который вместе с ценностными ориентациями женщины-матери, её установками на взаимодействие с детьми и ожиданиями определённых результатов, находит выражение в родительском поведении и, конкретно, в стиле семейного воспитания. Опыт материнства трансформирует мировоззрение женщины, в то же время само материнство является одним из смыслов жизни родительницы. Полноценная самореализация включает счастливое материнство. Огромное удовлетворение приносит женщине осознание, что она реализовалась как мать.

В контексте современного видения материнства этого процесса, все больше внимания уделяется самым разным его аспектам, включая влияние на личность женщины и общественные отношения [10]. Исследования многих специалистов (О. Г. Исуповой, Н. И. Басиной, Ю. В. Мисюк и др.) показывают, что сегодня материнство не может рассматриваться в традиционных рамках, так как трансформирует под влиянием множества как экономических, так и социокультурных факторов. Поведение личности сегодня активно формируют средства массовой информации, культура и искусство, и в нашей стране это осуществляется через трансляцию в первую очередь репродуктивной нормы как базовой в системе личностных установок. Подобное неформализованное влияние направлено прежде всего на ценностные основания личности [5]. Это открывает новые горизонты для анализа и понимания материнства как явления, которое адаптируется с учётом социальной динамики.

В современном обществе получила распространение модель «интенсивного материнства». Его концепция впервые была обоснована

¹ См. Тетерлева, Е. А. Смысловое переживание материнства как новообразование самосознания женщины: дис.. канд. пси-хол. наук. М.: Институт психологии РАО, 2006; Устинова, Н. А. Материнство как специфическое новообразование самосознания и личности женщины // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (929). С. 76–79; Феномен осознанного родительства: теоретический и практический аспекты / Авт.-сост. И. А. Комарова, О. В. Пойда. Могилёв : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. 108 с.

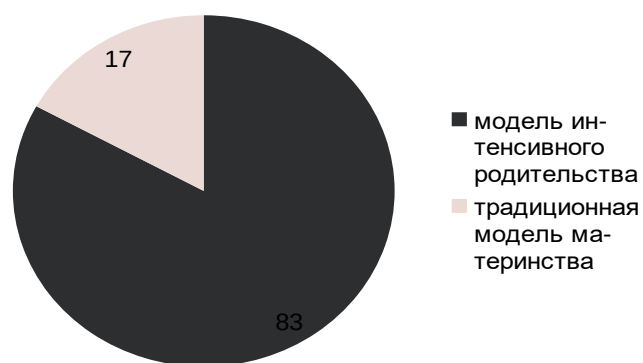
американским социологом Шэрон Хейс в контексте высоких требований, предъявляемых современным обществом к исполнению женщиной родительской роли [12]. В силу отмечаемой Ш. Хейс большой ресурсоёмкости интенсивного материнства, исследовательница квалифицирует его как сверхсложное в реализации вплоть до нереалистичного, прежде всего, для работающих матерей. Фиксируя «культурные противоречия матерей» в названии своей книги, Ш. Хейс как наиболее серьёзное отмечает противоречие социальных ролей современной женщины, которой общество предписывает в одно и то же время быть заботливой и бескорыстной матерью и реализоваться в профессиональной деятельности.

Максимизация моральных обязательств женщин-матерей и всего ресурсного спектра обусловила культурный сдвиг общественного сознания в направлении детоцентричного родительства [2]. При этом детоцентризм (то есть «семейная и воспитательная стратегия, центром которой является ребёнок» [6, с. 181]) как паттерн материнского поведения, как правило, вынуждает женщину откладывать собственные образовательные и карьерные планы или вовсе отказываться от них [12]. Помимо этого интенсификация участия родителей в жизни ребёнка создаёт серьёзные перегрузки: отмечается, что матери, исповедующие интенсивное материнство, «демонстрируют более низкий уровень счастья и удовлетворённости жизнью, а также более высокий уровень усталости» [6]; полагая, «что воспитание детей требует постоянного обновления знаний и навыков, следования рекомендациям экспертов», такие матери «более подавлены, чем матери, которые так не считают» [3, с. 59].

Определённую устойчивость поведению родителей и их адаптации к изменениям условий жизнедеятельности и рабочего процесса способны придать ценностные основания как специфический базис личности. Ценностно-смысловая сфера — функциональная система, формирующая смыслы и цели человека и регулирующая способы их достижения, в том числе в рамках семейных родительско-детских взаимоотношений распространённой сегодня модели «интенсивного материнства» [4].

Определение ценностных детерминант интенсивного родительства и стало целью нашего исследования. В нём приняла участие 81 участница — женщины в среднем возрасте 32,1 года, матери детей от 3 до 16 лет.

В ходе эмпирического исследования было установлено и подтверждено, что для 83% респондентов исследуемой выборки матерей стратегия интенсивного родительства является доминирующей.

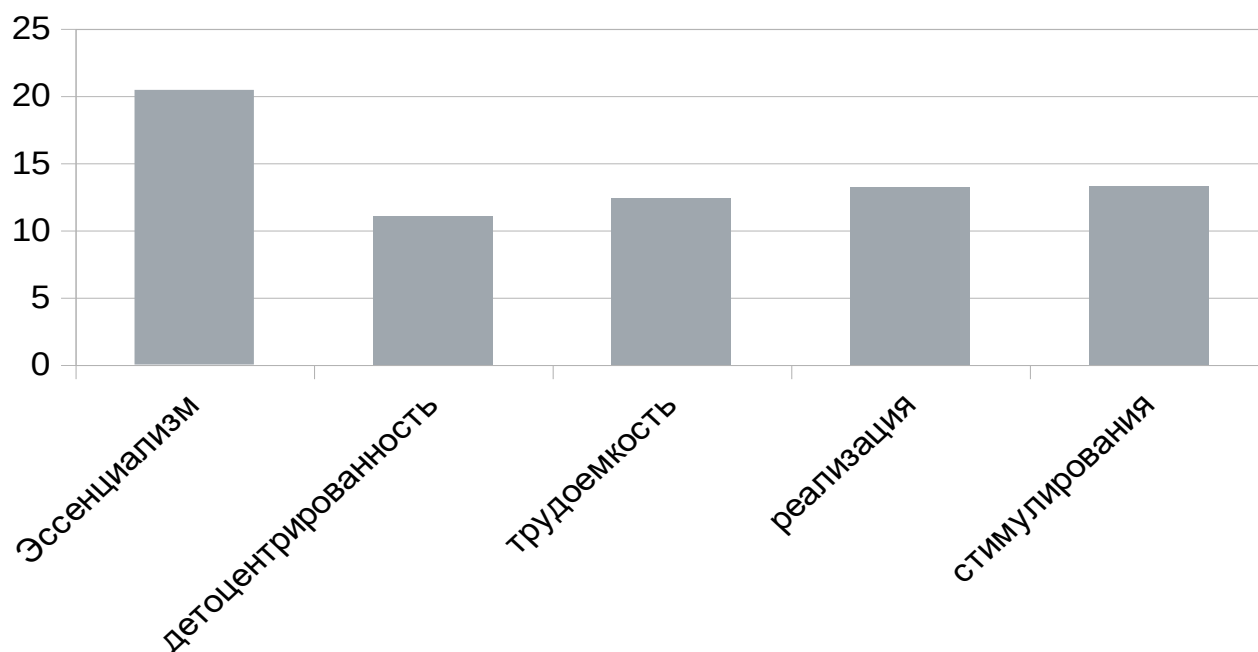

Своё исследования мы осуществляли с использованием 1) «Опросника установок на интенсивное родительство» («The intensive parenting attitudes questionnaire» — IPAQ) и 2) методики Шварца в оценке ценностно-мотивационного профиля личности участниц. Адаптированная и апробированная русскоязычная версия IPAQ [8; 9] отражает основные идеи интенсивного родительства и позволяет измерить отношение матерей к ним; а разработанная Шаломом Шварцем [11] методика позволяет оценить базовые (универсальные для представителей разных культур) ценности личности и степень их выраженности и связанности с мотивационными целями. Описательная статистика адаптированной методики IPAQ (Мисюк) в группе матерей, придерживающихся модели «интенсивного родительства», выглядит следующим образом:

Основные идеи интенсивного родительства	Минимум	Максимум	Среднее	Среднеквадратичное отклонение
Эссенциализм	0,00	28,00	20,4321	4,62855
Детоцентрированность	0,00	15,00	11,0741	2,24598
Трудоёмкость	0,00	21,00	12,4198	2,84984
Реализация ²	0,00	18,00	13,2346	3,12359
Стимулирование	0,00	19,00	13,3086	2,92678

² По другому «удовлетворённость», то есть «удовольствие от выполнения родительской роли и воспитания: родительство эмоционально вознаграждается, является самым большим счастьем в жизни женщины» [7, с. 85].

Для исследуемой группы женщин-матерей, придерживающихся модели «интенсивного родительства», характерна высокая степень эссенциализма и стимулирования (см. диаграмму ниже), то есть убеждённости в исключительной важности материнских инвестиций в развитие ребёнка.

*Диаграмма показателей модели «интенсивного родительства»
в группе матерей, её придерживающихся*

Как мы уже оговаривали выше, установка родителей на вовлечённость в практику воспитания ребёнка может приобретать чрезмерные формы (сверхвключённость, родительство с «управленческим уклоном», «вертолётное родительство» [1, с. 166]). Корректировку негативных, в большей мере вредящих ребёнку последствий такого воспитания, даёт специфический базис личности, заключающийся в ценностной системе. Выявление ценностных оснований у матерей, придерживающихся модели «интенсивного родительства», мы осуществляли посредством сравнительного анализа их ценностного профиля с группой матерей, которые не придерживаются этой модели.

**Сравнительный анализ по методике исследования ценностей
Шварца (значимые различия)**

Ценности³	Среднее		Значение критерия Манна- Уитни	Уровень значимости
	Интенсивное родительство	Контрольная группа		
Универсализм	24,41	2,02	46	0,05
Самостоятельность	17,28	1,09	38	0,05
Гедонизм	12,77	2,87	46	0,05
Достижение	14,32	3,03	62	0,05
Власть	9,62	1,32	51	0,05

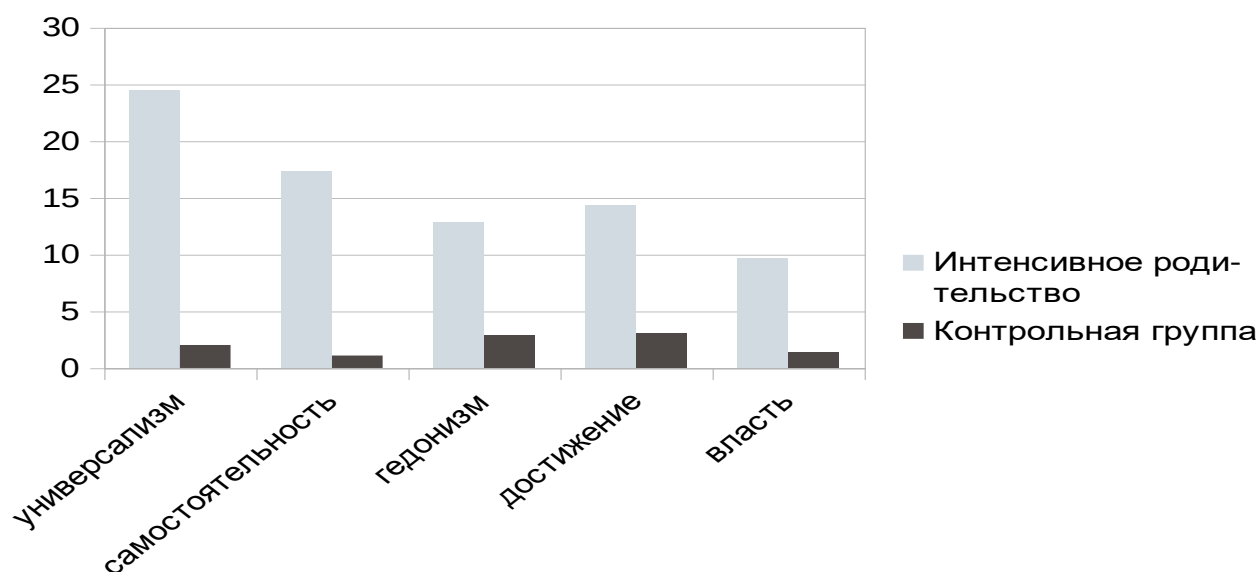
Из результатов сопоставления наглядно видно, что для последователей интенсивного родительства основными ценностями выступают терпимость к окружению ради общего блага (универсализм), независимость мысли и действия (самостоятельность), наслаждение или чувственное удовольствие (гедонизм), личный успех и одобрение социумом (достижение), а также обретение высокого статуса или престижа и возможность влиять на окружение (власть).

Сопоставление ценностных профилей матерей, придерживающихся и не придерживающихся модели «интенсивного родительства», также выявляет значительные расхождения как в приоритетных категориях, так и в интенсивности их достижения.

Это хорошо видно на приведённой ниже диаграмме:

³ Всего Ш. Х. Шварцем выделено десять мотивационных типов ценностей, границы между которыми не постоянны и могут изменяться: это — самостоятельность; стимуляция как новизна и полнота жизненных ощущений, состоятельность в жизни; гедонизм; достижение; власть; безопасность (стабильность и гармония общества, семьи и самого индивида); конформизм; благожелательность относительно людей, с которыми человек находится в контакте; традиция и универсализм (Шварц, Ш. Х. Универсалии в содержании и структуре ценностей: теоретические достижения и эмпирические исследования в 20 странах // Экспериментальная социальная психология. 1992. Т. 25. С. 1–65).

В дальнейшем развитии своей теории Шварц детализировал модель, включив в неё 19 ценностей (Шварц, Ш. Х.; Циехух, Ян; Веккионе, М. и др. Уточнение теории основных индивидуальных ценностей // Журнал психологии личности и социальной психологии. 2012. № 103 (4). С. 663–688).

Итак, среди современных матерей модель «интенсивного родительства» получает приоритет, отвоёвывая позиции у традиционных форм родительства. Сторонники «интенсивного родительства» ориентированы на стремление делать всё сами и всё контролировать, при этом хотят получать удовольствие от процесса воспитания, хотя, исходя из выявленных акцентов на эссенциализм и трудоёмкость этой модели родительства, сделать это затруднительно. Следовательно, как справедливо замечено, «модель интенсивного родительства нуждается в достройке...» [3, с. 60], одним из направлений которой может стать система ценностных оснований. Для сторонниц модели «интенсивного родительства» таковыми выступают универсализм, самостоятельность, гедонизм, достижение и власть. Детальный анализ способов их достижения в практике детско-родительских отношений позволит избежать негативных последствий для матерей, интенсивно вовлеченных в родительство.

Литература

1. Авдеева, Н. Н., Берсенева, И. В. Ценностные установки матерей в современных моделях родительства // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 2. С. 163–176.
2. Акинкина, Я. М. Понятие «интенсивного родительства» в зарубежной литературе // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 117–122.

3. Басина, Н. И. Практики интенсивного родительства: вовлечённость, максимизация участия или гиперопека? // The Scientific Heritage. 2021. № 4. С. 58–61.
4. Братусь, Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вести МГУ. Серия 14: Психология. 1981. № 2. С. 46–56.
5. Дорофеева, О. Е., Кавеева, А. Д., Андреева, А. А., Вербилович, О. Е. Дискурсивные границы территории родительства: анализ кейса «плохой матери» в социальных медиа // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 3. С. 451–464.
6. Исупова, О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3 (119). С. 180–189.
7. Мисиюк, Ю. В. Эмоционально-оценочные характеристики самовосприятия матери в контексте интенсивного родительства // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 1. С. 84–91.
8. Мисиюк, Ю. В., Хазова, С. А. Исследование выраженности установок на интенсивное родительство у российских женщин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 3. С. 91–98.
9. Мисиюк, Ю. В., Прихидько, А. И. Адаптация опросника «Intensive parenting attitudes» для диагностики интенсивного родительства. // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст: сборник статей I Международной научно-практической конференции. Кострома: Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2021. С. 113–118.
10. Филиппова, Г. Г. Психология материнства : учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2026. 212 с.
11. Шварц, Ш., Бутенко, Т. П., Седова, Д. С., Липатова, А. С. Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.
12. Hays, Sh. The Cultural Contradictions of Motherhood. Yale : University Press, Yale, 1996. 252 p.

Авторам

Приём материалов
в очередной номер журнала
«Гуманитарная парадигма»
за 2026 год
проводится
до 10 сентября 2026 года
на адрес редакции
red@humparadigma.ru

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев:
учёных, исследователей,
докторантов и аспирантов,
студентов и магистрантов,
работников культурной и просветительской сфер,
представителей творческой интеллигенции.

Наш журнал
- научно-аналитический,
- практико-методологический,
- литературно-творческий